

ББК 60.542.21

*С. Г. Айвазова*

**КОНТРАКТ «РАБОТАЮЩЕЙ МАТЕРИ»:  
НАРУШЕНИЯ ИЛИ РАСТОРЖЕНИЕ?  
(К вопросу об особенностях гендерной политики  
в современной России)**

Понятие «контракт» применительно к государственной политике, определяющей правила взаимодействия мужчин и женщин, а также характер разделения труда между ними в сферах социального производства и воспроизводства, достаточно широко используется как в зарубежных, так и в российских гендерных исследованиях (см.: [8, с. 66]). Специалисты выделяют несколько вариантов гендерных контрактов (правил и образцов поведения), типичных для современности. В их числе контракты «мать-домохозяйка — отец-кормилец», «работающая мать», «карьерно-ориентированная женщина», «женщина на содержании» [8, с. 200], контракт «гендерного равенства» [11, с. 91]. В наши дни самым распространенным из них справедливо признается контракт «работающей матери». Этот контракт в идеале призван обеспечивать институциональную поддержку со стороны государства гражданкам любой страны, совмещающим трудовую деятельность с выполнением семейных обязанностей, особенно тех, что связаны с рождением и воспитанием детей. Контракт «работающей матери» по определению направлен на поддержание баланса семейных и трудовых нагрузок женщин с тем, чтобы стимулировать присутствие работниц на рынке труда и одновременно сохранять их позиции в семье.

Хотя теория «гендерного контракта» развивалась преимущественно в скандинавских странах, само появление особой государственной политики в отношении «работающей матери» связано в первую очередь с историческим контекстом советской России [2]. Именно здесь еще в 20—30-е гг. прошлого века по целому ряду идеологических, политических, экономических причин стала складываться практика проведения особой государственной политики в отношении женщин, массово вышедших на рынок труда под воздействием требований мобилизационной экономики [10, с. 79—107].

В возникавшей тогда новой советской реальности женщинам как гражданкам своей страны отводились две равнозначно статусные роли — «труженицы» и «матери». На протяжении всех лет существования социалистического общества эти роли оставались для нее обязательными. Исполняя роль «труженицы», женщины, чьи рабочие руки вплоть до сего дня ценятся гораздо дешев-

ле мужских, помогали социалистическому государству снизить издержки по модернизации экономики страны, по ее переводу из фазы аграрной в индустриальную за счет мобилизации дешевой рабочей силы.

Начиная с 20-х гг. удельный вес женщин в составе наемной рабочей силы все время повышался. Правда, в рамках этой устойчивой тенденции имели место и определенные колебания, обусловленные изменениями в запросах экономики: в период нэпа, в послевоенные годы, в начале и середине 60-х гг., когда разворачивались реформы А. Н. Косыгина, занятость женщин снижалась. И наоборот, в 30-е гг. — момент форсированной индустриализации страны, годы Великой Отечественной войны, 70—80-е гг. происходил рост доли женщин в общей численности рабочих и служащих. Чтобы скрыть утилитаристскую подоплеку такой мобилизационной политики, государство использовало широко распространившиеся в революционное время лозунги женского равноправия. Официальные пропагандистские издания, учебные пособия, научные исследования, СМИ в один голос утверждали: «Главным, определяющим моментом фактического равноправия женщины в обществе является ее участие в общественном труде. Труд — это основа эмансипации женщины, ее экономической независимости. Труд способствует развитию личности женщины, повышает ее роль в жизни общества и семье, дает ей моральное удовлетворение» [4, с. 44—45]. Под массивным пропагандистским давлением представление о том, что женщина может и не трудиться в общественном производстве, напрочь исчезло из общественного сознания.

Достаточно стремительному утверждению контракта «работающей матери» способствовала еще одна, не менее, а, может быть, и более значимая, предпосылка уже не экономического, а политического характера. Остановимся на ней чуть подробнее. В условиях оформления новой советской государственности за счет лозунгов «женской эмансипации» происходила некая коррекция форм патриархатного господства: складывавшееся государство, в интенции тяготевшее к тоталитаризму, стремилось как бы перетянуть на себя функции «отцовской власти». Цель операции заключалась в том, чтобы подорвать власть конкретного мужчины — мужа, отца, лишив его самих основ мужской идентичности [3, с. 66—74]. Такой «подрыв» облегчал задачу подавления личности — любой, будь то мужчина или женщина, и, со своей стороны, способствовал утверждению системы тотального господства. В качестве доказательства сошлемся только на один факт. Известно, что И. Сталин больше прочих своих величаний любил обращение «Отец народов». Он старательно обыгрывал эту роль, выстраивая под нее свой имидж, и стал даже исполнять традиционно отцовские функции: по обеспечению женщин и детей продовольствием, жильем, по воспитанию детей. Официальная пропаганда приписывала ему инициативу проведения государственной политики по поддержке женщин — «тружениц» и «матерей» — с помощью особых, назначенных им за общественно полезный труд льгот и привилегий. Он общался с ними через правительственные комиссии «по охране материнства и детства». Женщины имели право обратиться к Нему через его представителей на местах — парткомы, профсоюзы, администрацию — и пожаловаться на мужей с тем, чтобы Он призвал их к порядку. Показательно, что целью деятельности реализовывавших эту государ-

ственную политику правительственных комиссий и государственных программ, как правило, объявлялось не проведение «семейной политики», а «улучшение положения женщин», «охрана материнства и детства». При этом из официальных бумаг по семейной политике практически исчезли понятия «отец» и «отцовство».

Вследствие утверждения этой гендерной политики семья в советском обществе приобрела асимметричный характер: в ней рельефно выделилась фигура матери, функции которой многократно усложнились. Матери предписывалось отвечать за рождение и воспитание детей, за быт семьи, нести на себе весь домашний труд и, помимо этого, материально поддерживать семью своей зарплатой. Ведь в большинстве советских семей зарплаты мужа было недостаточно, чтобы обеспечить даже минимальный прожиточный уровень. Низкие мужские зарплаты основной массы «тружеников» были, с одной стороны, следствием массового использования дешевого женского труда, а с другой — результатом политики «организованной бедности», на которой и строился фундамент советского государства [7, с. 107].

Проводником государственной гендерной политики в советское время стал «трудовой коллектив». Объявив, что традиционная семья есть институт, где закладываются неравные отношения между полами, и что труд на благо общества гарантирует свободу и равенство каждого гражданина, независимо от его пола, молодое социалистическое государство противопоставило его традиционной семье. Именно с его помощью государство обещало обеспечить женщинам и детям «социальную защиту» — вместо той, что давали прежде семья и ее глава, отец, муж. «Товарищеская солидарность» трудового коллектива, заменяя традиционные семейные отношения, должна была позволить женщине легче совмещать противоречивые роли и обязанности «работницы» и «матери».

В 1936 г., когда принципы контракта «работающей матери» стали очевидными, знаменитая сталинская Конституция торжественно провозгласила: «В СССР решена задача огромной исторической важности: впервые в истории на деле обеспечено подлинное равноправие женщин». В Конституции контракт «работающей матери» описывался таким образом: «Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной и общественно-политической жизни. Возможность осуществления этих прав обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, государственной помощью многодетным и одиноким матерям, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов» [6, с. 13—14].

Подчеркну, что распространению контракта «работающей матери», поверх этих идеологических, политических, экономических предпосылок, способствовало самое главное обстоятельство: над средней советской семьей во все годы ее существования витала тень бедности, помноженная на постоянный дефицит абсолютно всех товаров. Чтобы советская семья могла сущест-

вывать, приходилось работать и мужу, и жене даже при наличии очень маленьких детей.

Спецификой профессиональной занятости женщин в СССР оставался крайне тяжелый, малоквалифицированный и плохо оплачиваемый труд. Это — парадокс советской экономики. Ведь уровень образования и профессиональной подготовки женщин был выше, чем у мужчин. Парадокс объясняется очень просто: дом и быт были высоким барьером, не позволявшим основной массе женщин реализовать себя в профессиональной сфере. Вместе с тем, оценивая значимость контракта «работающей матери» в советское время, важно отметить и тот факт, что женский труд, а наряду с ним и поощрявшееся женское образование, стали не только предпосылками повышения статуса женщины в обществе, но и источником несмотря ни на что продолжавшегося процесса женской эмансипации.

Распад советской государственности, становление российского государства, рыночные реформы не могли не повлечь за собой изменений в государственной гендерной политике. Важно отметить, что поначалу эти реформы сопровождалась своего рода идеологической оттепелью, а точнее, идейной диверсификацией. На рубеже 80—90-х гг. получили распространение идеологемы «прав женщин» и гендерного равноправия. Их выразительницами стали в основном активистки возникавшего независимого женского движения. Одновременно с этим другие акторы (в частности, церковь) стали не менее настойчиво апеллировать к традиционным гендерным ценностям. Сохранялись и советские подходы к решению «женского» вопроса — у государственных чиновников или активистов ряда политических партий. Противостояние разнонаправленных гендерных логик поставило российские власти перед необходимостью выбора одной из них. Выбор был сделан в пользу институциональной логики гендерного равноправия как обязательного условия успешного функционирования современной демократии [2, с. 5—7]. Такой выбор был продиктован прежде всего потребностью войти в круг наиболее развитых, демократически ориентированных стран мира, чтобы стать их признанным партнером. Благодаря этому в текст новой Конституции РФ включается норма, предусматривающая не просто равенство прав и свобод женщин и мужчин, но и равенство возможностей для их обеспечения (ст. 19, ч. 3). В пользу данной нормы российский парламент высказался еще и тогда, когда ратифицировал два основополагающих международных акта — Конвенцию МОТ (№ 156) «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями» и Факультативный протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Кроме того, на предотвращение дискриминации по признаку пола оказались нацеленными правовые нормы, включенные в главные своды государственных законов России: Трудовой, Гражданский, Уголовный, Семейный кодексы. В каждом из этих документов государство — основной субъект российской политики — символически обозначает приверженность принципу гендерного равноправия, как бы демонстрируя мировому сообществу свои цивилизационные устремления.

Таким образом, формальные институты современной России предусматривают, что любой российский гражданин, любая гражданка вправе рассчиты-

вать на поддержку правосудия в случае, если столкнется с дискриминацией по признаку пола. А лицо, которое спровоцировало эту ситуацию, может понести достаточно серьезное уголовное наказание. Серьезные санкции за дискриминацию, а также «за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» граждан по признаку пола прописаны в целом ряде статей Уголовного кодекса РФ, в частности в ст. 136, 145, 282. Эти санкции предусматривают для нарушителей закона как солидные штрафы, так и исправительные работы, даже лишение свободы на срок от двух до пяти лет (для лиц, использовавших свое служебное положение).

Законодательное закрепление норм гендерного равноправия позволяло предполагать, что Российское государство не просто сохраняет, но и укрепляет основы контракта «работающей матери». Хотя при этом разраставшаяся разнородность гендерного дискурса в обществе не исключала и возможности его диверсификации. В частности, в отсутствие жестких и однозначных идеологических предписаний потенциально этот контракт был способен трансформироваться, с одной стороны, в контракт «женщина-профессионал» (или «карьерно-ориентированная женщина»), а с другой — в контракт «домохозяйка» [8, с. 189—191].

Однако со временем стало понятно, что контракт «работающей матери» не только и не столько преобразуется, сколько проходит своего рода испытание новым временем. Дело прежде всего в том, что государство, похоже, перестает считать его приоритетным и полезным для себя. Знаковым моментом в этом плане была административная реформа 2003—2004 гг., в ходе которой российская властная вертикаль избавилась от тех своих атрибутов (департаментов, комиссий), которые были призваны практически реализовывать законодательные нормы гендерного равноправия [1, с. 78]. Тем самым проводившие реформу государственные чиновники дали понять обществу, что государство больше не нуждается в контракте «работающей матери» со всеми вытекающими из него обязательствами по социальной защите «материнства и детства». Причины такого серьезного поворота в гендерной политике подробно не разъяснились. Но две из них: экономическая и идеологическая — были совершенно очевидными. Во-первых, сырьевой экономике оказались ненужными женские рабочие руки, в ней хватает рук мужских. В свою очередь, мигранты-мужчины стали выталкивать женщин с низкооплачиваемых рабочих мест: их труд еще дешевле. Но главное — этот труд не требует никаких социальных гарантий: ни больничных листов, ни детских садов, ни отпусков по беременности и родам. Во-вторых, ускоренными темпами набрал идейную силу неотрадиционализм — сразу во многих вариантах. Все эти варианты, так или иначе, призваны не просто оправдать новый экономический и политический порядок, который часть исследователей определяет либо как патримониальный, клановый капитализм, либо как кликократию<sup>1</sup>, но даже придать ему сакральный характер. Неотрадиционализм во всех своих формах естественно ориентирован на утверждение

---

<sup>1</sup> Понятие введено С. В. Патрушевым в коллективной монографии «Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка» (готовится к выпуску в издательстве «РОССПЭН»).

гегемонной маскулинности — с ценностями рыночной эффективности, высокой нормы прибыли, индивидуализма.

Маскулинность молодого патримониального государства репрезентируется по-разному: то как *déjà vu* — по образцу огосударствленного «отцовства», сегодня озабоченного предоставлением женщинам «материнского капитала»; то как образец «семейной любви Петра и Февронии», являющей собой прототип особой связи, якобы способной конституировать нацию-государство. В любом случае такая маскулинность не нуждается в контракте с работницей, которую нужно защищать с помощью государственной системы протекционистских мер.

Резко обострившиеся проблемы сокращения рождаемости, снижения брачности, депопуляции, со своей стороны, провоцируют перемены в официальном гендерном дискурсе, ориентированном отныне на эссенциализм и биологический детерминизм. Сложность в том, что официально государство не снимает с себя функций по защите материнства и детства, которые лежат в основе контракта «работающей матери». Более того, практически все Послания Президента (и В. В. Путина, и Д. А. Медведева) в нулевые годы тем или иным образом затрагивают эти сюжеты. Однако исполнительная власть не предпринимает никаких эффективных действий для реального сохранения этого контракта.

Отчетливее всего эта амбивалентная ситуация дает о себе знать в феномене «декретофобии», который вызрел в период экономического кризиса 2008—2009 гг. и, несмотря на спад кризиса, стал типичной чертой гендерной политики на российском рынке труда. Коротко говоря, экономический кризис обострил ситуацию с соблюдением прав женщин в сфере труда и занятости. По данным разных источников, доля женщин среди безработных составляла в тот момент около 60 %. Средняя продолжительность зарегистрированной безработицы среди женщин была выше, чем в целом по безработным. В число безработных в первую очередь попали беременные женщины, одинокие матери и женщины, воспитывающие детей до трех лет. Стало понятно, что предприниматели всеми правдами и неправдами выталкивают их с предприятий. Журналисты окрестили этот процесс декретофобией.

Что стояло за этим процессом? Хотя многие предприниматели признаются в том, что женщины являются зачастую лучшими работниками, чем мужчины, труд беременных им невыгоден. Законодательство, регулирующее отношения «работодатель — работница»<sup>2</sup>, до сих пор построено по принципам советского времени, когда государство было одновременно работодателем, страхователем и гарантом правовой защиты. Сегодня эти отношения в корне изменились. Но предприниматель по-прежнему обязан и страховать своих работниц, и выплачивать пособия, получаемые женщинами в связи с беременностью и родами. И лишь позднее, с определенными вычетами, выплаченные средства ему возмещает Фонд социального страхования. В условиях инфляции такая ситуа-

---

<sup>2</sup> Федеральные законы «Об основах обязательного социального страхования» и «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством».

ция предпринимателю крайне невыгодна. Кроме того, он обязан сохранять за уходящей в декрет женщиной рабочее место, на которое ему нужно подыскивать временного работника. При этом заведомо понятно, что отдача от такого работника будет гораздо меньшей, чем от постоянного сотрудника. Отсюда и «декретофобия».

О неблагоприятном положении беременных женщин и женщин с детьми на рынке труда свидетельствует в последние годы значительный рост числа обращений самих работающих женщин в органы государственной власти и общественные организации по вопросам, связанным с нарушением их трудовых прав со стороны работодателей. В своих обращениях чаще всего они жалуются на принуждение к увольнению по собственному желанию в связи с беременностью, на увольнение в таких же случаях по инициативе работодателя, на невыплату либо несвоевременную выплату пособия по беременности и родам, на отказ работодателя в выдаче страхового медицинского полиса и др. При этом эксперты отмечают крайне высокую латентность данного явления: число женщин, обращающихся за поддержкой в те или иные органы власти, общественные организации, несопоставимо мало по сравнению с общим числом пострадавших от нарушения своих трудовых прав.

Женские правозащитные организации, региональные уполномоченные по правам человека, представители Государственной трудовой инспекции в регионах, чтобы эффективно противодействовать этому явлению, в последние два-три года пытаются реально оценить его масштабы и угрозы. По данным одной из самых активных в этом плане правозащитных организаций «Петербургская эгида», только в 2009 г. за помощью в нее обратилось более 200 петербурженок. «Петербургская эгида» стала инициатором обращения в суды по таким делам, целью которых является восстановление на рабочем месте незаконно уволенных женщин и взыскание причитающихся им пособий по беременности и родам. Некоторые из возбужденных дел организация выиграла в пользу пострадавших. Однако оказалось, что исполнить судебные решения о взыскании детских пособий практически невозможно, т. к. работодатели скрываются от органов правосудия.

Учитывая эти обстоятельства, в канун 8 марта 2010 г. «Петербургская эгида» обратилась к своим активисткам и тем женщинам, которых она защищала, а также другим петербурженкам с призывом встретить День международной солидарности женщин специальной акцией под лозунгом «Не надо цветов! Подарите закон!». Этой акцией протестующие намеревались обратить внимание на незаконные увольнения беременных, на махинации работодателей с выплатой пособий по беременности и родам, потребовать соблюдения установленных законом прав работающих женщин. Петербургские власти запретили проводить женскую демонстрацию, но согласились на митинг с ограниченным числом участников (не более десяти). Митинг состоялся, в нем приняли участие более 50 женщин, поочередно сменявших друг друга. Фотокорреспонденты зафиксировали плакаты и растяжки митингующих: «Я забеременела, меня уволили!», «Мой ребенок не получает пособие с 2008 г.!»; «Нет — произволу работодателей!» и др.

Эта акция, широко освещавшаяся в печати и Интернете, вызвала цепную реакцию. В декабре 2010 г., в марте и июне 2011 г. уже в 20 крупнейших городах России состоялись митинги, одиночные пикеты женщин. Только к лозунгам защиты прав беременных женщин от недобросовестных работодателей теперь добавились еще и требования остановить принятие в Государственной думе закона № 343 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством”». Его принятие грозило вдвое сократить размер пособий по беременности и родам. Иными словами, государственная власть также испытала приступ декретофобии. И неожиданно натолкнулась на сопротивление работающих матерей, которые решительно отказались от прекращения своего контракта с государством, выражением чего и стали их гражданские акции протеста. Они пришлись на 2011 г. — год парламентских выборов, которые окажут свое воздействие и на президентские выборы 2012 г. Этот политический фактор, скорее всего, сыграл определяющую роль в решении исполнительной власти временно, до 2013 г., заморозить внесение поправок в закон № 343. Ведь женщины — самые активные избиратели в современной России. Среди тех, кто приходит в день выборов на избирательные участки в последнее десятилетие, они составляют более 60 % [2, с. 128—129]. Рисковать результатами выборов, пойдя на нарушение контракта «работающей женщины», власти сочли нецелесообразным.

Прямые методы гражданского сопротивления (или действия) оказались в этом случае более эффективными, чем попытки задействовать для решения проблемы «декретофобии» такой механизм гражданского участия, как, скажем, регулярные встречи Президента РФ с членами Совета по развитию гражданского общества и правам человека<sup>3</sup>. Трижды — в марте 2010 г., в феврале и июле 2011 г. — Совет обращался к Президенту с письмами, в которых объяснялся феномен «декретофобии», возникший в результате отказа частных предпринимателей выполнять те функции по воспроизводству социальных благ, которые в советское время исправно отправляли государственные предприятия. Совет предлагал в первую очередь пересмотреть действующий порядок выплаты пособий по беременности и родам с тем, чтобы они осуществлялись не из бюджета предприятия, а напрямую из Фонда социального страхования. Президент РФ, соглашаясь с доводами Совета, трижды поручал Министерству здравоохранения и социального развития рассмотреть этот вопрос. Исполнение поручения означало бы, что государство готово взять на себя те социальные обязательства, которые уже не может нести частный предприниматель, впрочем продолжающий финансово поддерживать (как страхователь) свою беременную работницу. Министерство здравоохранения и социального развития пока не дает сколько-нибудь внятного ответа на эти поручения Президента РФ. Похоже, что они идут вразрез с курсом Российского государства на сведение к минимуму своих обязательств по социальной поддержке населения, включая выполнение контракта «работающей матери».

---

<sup>3</sup> Свидетельство автора статьи, являющегося членом данного Совета.



Но в этом контракте заинтересованы работающие женщины, составляющие около 75 % экономически активного населения. При этом «каждая четвертая из них имеет университетский диплом по сравнению с каждым пятым мужчиной» [9]. Для них контракт «работающей матери» — это шанс хоть как-то совмещать свои профессиональные и семейные обязанности. А кроме того, еще и шанс со временем выйти на заключение контракта «гендерного равенства». Последний позволяет «рассматривать женщин не как жен и матерей, а как индивидов и субъектов, занимающих равное с мужчинами положение в обществе» [5, с. 7]. Он создает более совершенные условия для реализации профессиональных амбиций работающих женщин и гармонизации внутрисемейных отношений, для рождения не одного, а нескольких детей. Это подтверждает опыт скандинавских стран, где такой контракт утверждается в последние годы и сопровождается ростом показателя числа детей, рожденных в семье.

Если Российское государство все-таки пойдет на разрыв контракта «работающей матери» и женщины окажутся перед дилеммой либо работать, либо рожать (и не одного ребенка, что необходимо для выхода из нынешнего демографического тупика), то, по мнению наиболее авторитетных и знающих экспертов, в случае выбора между сохранением престижного рабочего места и рождением ребенка наши соотечественницы сделают выбор в пользу первого. Профессиональный труд за последние сто лет стал для россиянок и очень значимой ценностью, и средством экономической независимости — своей и своих детей. Треть из них рождает ребенка вне брака; значительная часть женщин в случае развода (им заканчиваются сегодня пять из семи браков) также вынуждена рассчитывать только на себя: алименты исправно выплачивают не более четверти разведенных отцов и т. д. Нужно учитывать и тот факт, что в репродуктивный возраст сейчас вступает крайне малочисленное поколение 90-х гг., у которого мотивация материнства по многим причинам очень ослаблена. А потому разрыв контракта «работающей матери» грозит Российскому государству серьезными проблемами — демографическими и, судя по гражданской активности беременных и матерей с малолетними детьми, политическими.

#### ***Библиографический список***

1. *Айвазова С.* Гендерный порядок в России: возможности и пределы модернизации // Новые направления политической науки : гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономия. Социальная политика / отв. ред. С. Г. Айвазова, С. В. Патрушев и др. М. : РАПН : РОССПЭН, 2007. 344 с.
2. *Айвазова С.* Российские выборы: гендерное прочтение. М. : Моск. учебники и картолитография, 2008. 440 с.
3. *Айвазова С.* Русские женщины в лабиринте равноправия. М. : РИК Русанова, 1998. 408 с.
4. Женщины мира в борьбе за социальный прогресс. М. : Мысль, 1972. 245 с.
5. Заключительные замечания Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин по шестому и седьмому периодическим докладам РФ, 15 июля 2010 г. URL: <http://www.womnet.ru/prava/2010/1-2/4.htm> (дата обращения: 01.09.2011).

6. Законодательство о правах женщин в СССР : сб. нормативных актов. М. : Юрид. лит., 1975. 224 с.
7. Курганов А. И. Женщины и коммунизм. Нью-Йорк, 1968. 167 с.
8. Российский гендерный порядок: социологический подход / под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2007. 306 с.
9. Россия в 2015 году: цели и приоритеты развития : докл. о развитии человеческого потенциала в РФ. Программа развития ООН, 2005. URL: <http://www.undp.ru/index.phtml?iso=ru&cmb=publications1&id=49> (дата обращения: 01.09.2011).
10. Хасбулатова О. А. Гендерные аспекты государственной политики. Комплексный подход к проблеме равенства полов и его реализация в политике // Гендерные аспекты политической социологии / отв. ред. С. Г. Айвазова, О. А. Хасбулатова. М. : РОССПЭН, 2004. 260 с.
11. Чернова Ж. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. СПб. : Норма, 2008. 328 с.

ББК 60.542.21

*Н. А. Шведова*

### **ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО В РОССИИ В XXI в. В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ: ПРОГРЕСС ИЛИ УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ?**

Решение Генеральной Ассамблеи ООН (2 июля 2010 г.) о создании специального подразделения по гендерному равенству и развитию в интересах женщин под названием «ООН-женщины» (UN Women) убедительно свидетельствует о том, что международное сообщество достигло согласия относительно гендерного равенства как важного принципа современности [6]. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун назвал это решение историческим: оно должно привести к ускорению прогресса на пути к обеспечению равенства полов. Мишель Бачелет, бывший президент Чили, возглавила его, одновременно замещая пост заместителя Генерального секретаря ООН. Повышение эффективности деятельности и усиление влияния самой гендерной структуры в рамках ООН с помощью нового укрупненного органа, статус главы которого также повышен, — цель предпринятой реорганизации. Вряд ли можно усомниться в том, что эта мера стала бесспорным свидетельством роста внимания мирового сообщества к проблеме гендерного равенства в мире. Крупнейшая международная региональная организация — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе — утверждение равноправия между женщинами и мужчинами